С. Петрович
Белград (Сербия)

Методические проблемы трактовки тюркских заимствований в этимологических словарях славянских языков

Вследствие появления новых диалектных источников, а также совершенствования этимологической практики этимологические словари «можно дополнять и поправлять бесконечно» [Фасмер, 1, *565*]. Настоящая работа иллюстрирует этот тезис. В ней анализируются методические приемы обработки заимствований в славянских этимологических словарях на примере тюркизмов.

Этимологические словари отдельных славянских языков, кроме исконной лексики, составляющей центральную часть каждого лексикона, включают в свой словник и многочисленные заимствования. Хотя методика этимологического анализа славянских лексем в данных словарях и различается в деталях, основной прием в сущности один и тот же – с помощью параллелей из других славянских языков и диалектов установливаются изоглоссы на (обще)славянском уровне и реконстрируются более или менее надежные праславянские формы.

С другой стороны, к подаче и этимологическому анализу заимствований этимологические словари славянских языков подходят по-разному.

Будучи разнородной по происхождению и расслоенной на хронологическом и ареальном уровнях, заимствованная лексика требует более сложного подхода. Не только анализ грецизмов в деталях обязательно должен отличаться от анализа тюркизмов или романизмов, но и в рамках одной группы заимствований по-разному следует трактовать, например, грецизмы из сферы церковной терминологии и грецизмы, заимствованные непосредственно из народного языка.

Разумеется, выбор методических приемов при толковании заимствований зависит от конкретных исторических условий и географического распространения данного славянского языка. Время непосредственного взаимодействия данного славянского и тюркского языков в значительной мере определяет метод этимологического анализа, главными пунктами которого являются: определение непосредственного этимона, глубина его этимологического анализа и выбор параллелей из других родственных и неродственных языков. Проведенный анализ показывает, что именно в этих пунктах словари в наибольшей мере различаются между собой – как в отношении тюркизмов, так и в отношении других заимствований. Причина такого состояния кроется в отсутствии общепринятого (с теоретико-методологической точки зрения) способа лексикографического анализа заимствований. Поэтому авторы на основании собственного опыта выбирают те приемы, которые подходят к исследуемому материалу.

На примере тюркизма *балук* ‘рыба и т. п.’ в разных славянских этимологических словарях можно увидеть разнообразие способов обработки слова.

Брюкнер приводит русскую параллель, а этимон определяет как турецкий: «польск. *bałyk*, *bałuk* – старое турецкое название сушеной рыбы (в XII в. фиксирует-

© С. Петрович, 2009

ся название *kar bałuk* в Крыму, откуда эта рыба появлялась в Царьграде); в настоящее время в польск. только *na bałuku* или *na bałyku chodzić* 'ходить на четвереньках', о неуклюжей походке'; такое выражение есть и у турок; русск. *bałyk* 'stokfisz' [sic!]» [Brückner, *13*].

Фасмер не уточняет, из какого тюркского языка заимствовано данное слово (на основании тюркской формы это не так просто установить), и не приводит параллелей из других языков: «русск. *балык* 'соленая и вяленая спинная часть рыбы'. Заимств. из тур., крым.-тат., азерб., кыпч., казах., караим. *balyk* 'рыба', алт., тел., леб. *palyk*» [Фасмер, 1, *119*].

ЭСБМ приводит русскую и украинскую параллели, но, как и Фасмер, не определяет непосредственный тюркский источник: «блр. *балык*, русск. *балык*, укр. *балúк* (с XVIII в.). От тюрк. (тур., крым.-тат., азерб. и др.) *balyk* 'рыба'» [ЭСБМ, 1, *297*].

ЕСУМ приводит белорусскую, русскую и болгарскую параллели, а в отношении непосредственного этимона предлагает выбор между крымско-татарским и турецким языками: «укр. *балúк* 'пров'ялена спинка риби', ст. *баликъ* (1759), русск., блр. *балык*, польск. [bałyk], болг. *балък*; заимствование из крымско-татарского или турецкого языка; крым.-тат. *balyk* 'риба', турецк. *balık* 'id.', ср. кирг., каз., тат., як. *балык*, узб. *балик*, аз., чаг. *балы"*, уйг. *белик*, алт. *палых*, чув. *пулă*» [ЕСУМ, 1, *127*].

Аникин, как правило, не приводит параллелей из других языков, но определяет тюркский язык, из которого слово непосредственно заимствовано: «русск. диал. *балык*: *крáсна балык* 'горбуша' от якут. *balyk* 'рыба' < тюрк. **bālyk* (или *balyk*?). Ср. литер. *балык* < тюрк.» [Аникин, *115*].

ЕРСЈ для сербского слова и его производных дает турецкий этимон и параллель только из болгарского: «серб. *бàлук* m. 'рыба', бот. 'рыбья трава, рыбий яд, плод растения *Anamirta cocculus*, используемый для травли насекомых, рыб и маленьких птиц', *бàлучити/бáлучити* impf. 'ловить рыбу при помощи балыка', *балȕгџија* m. 'рыболов', *балубџија*, *балубџжинѝца* f. 'рыбный магазин'. От турецк. диал. *baluk* 'id.', според *balık*, *balıkçı*, ср. болг. *балък*» [ЕРСЈ, 1, *132*].

В случае балканско-славянских языков возникает проблема учета параллелей из других балканских языков и придания статуса балканизма определенным словам. Несмотря на то, что этот методический прием не описан теоретически, в этимологической практике он обыкновенно применяется. В докладе рассматриваются аргументы в пользу такого приема и особенности квалификации параллелей из остальных славянских и неславянских языков.